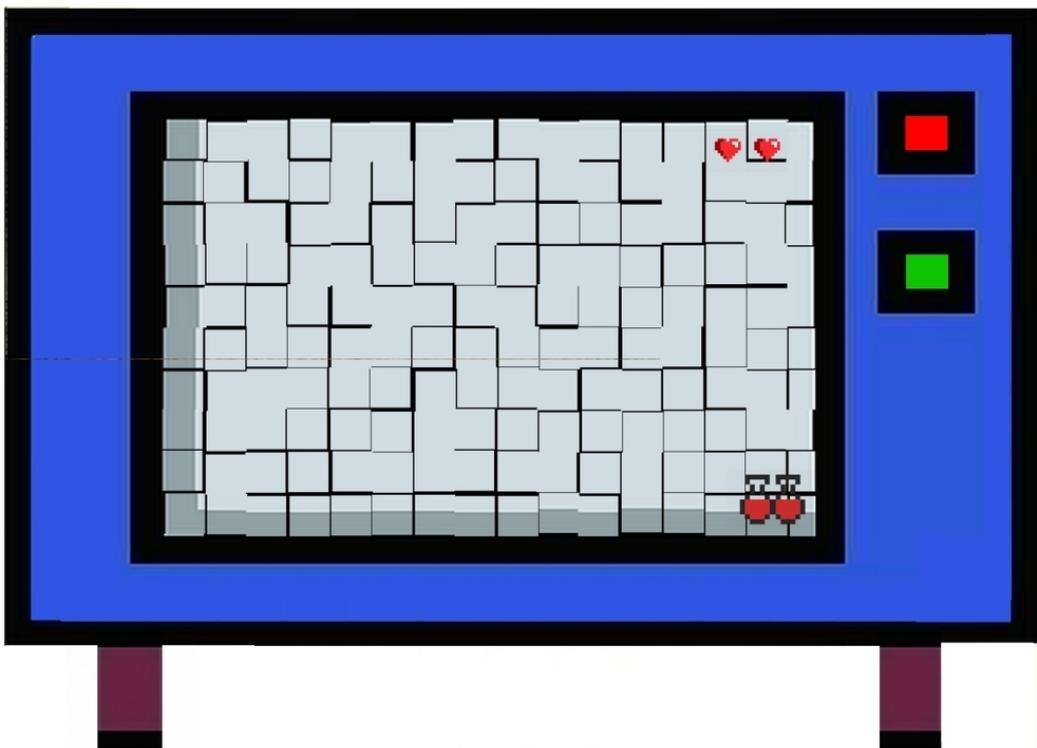

АЛЕКСАНДР ИНТЕМ

ПИКСЕЛЬНЫЙ

18+

Александр Интелл

Пиксельный

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Интелл А. А.

Пиксельный / А. А. Интелл — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Маленькая фигурка скучает в нарисованном мире. Двинешь мышкой – фигурка повернется, картинка мягко сменит ракурс; окно в виртуальную вселенную застынет, послушный истуканчик станет ждать следующей команды. Сама фигурка не движется, она неживая. Если ею не управлять, так и останется в сонном одиночестве.

© Интелл А. А., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Часть первая В Бесцветии

Alternating states

Маленькая фигурка скучает в нарисованном мире. Двинешь мышкой – фигурка повернется, картинка мягко сменит ракурс; окно в виртуальную вселенную застынет, послушный истуканчик станет ждать следующей команды.

Сама фигурка не движется, она неживая. Если ей не управлять, так и останется в сонном одиночестве.

Я вымученно смотрю на экран, пытаясь понять, как пройти на следующий уровень.

Проблема колossalная: на монстров перестали действовать атаки морозного ятагана и заклинания огненной стихии.

Вечер давно обратился в ночь, а я, в компании с игровой приставкой и бутылкой виски, застыл перед экраном телевизора в отупении.

Держит лишь спортивный интерес, клешнями ухватившись за горло, и показывая истинную личину – темное, липкое задротство.

Глаза закрываются против воли – железные гирьки на веках прикрывают скрипящую дверь мира реальности; виски тяжелые, налитые свинцом; мозг из последних сил держит организм включенным. Дремота такая, что если гирьки победят остатки воли, я моментально усну. И только пальцы отбивают ритм на кнопках геймпада, живя отдельной жизнью.

Я оказываюсь с обратной стороны экрана: оружие наготове, монстры глядят на меня с изумлением; их едкие глазенки сверлят нас kvозь.

Вокруг темно и мутно. Гулко дышит под ногами земля, в воздухе стоит запах свежескошенной травы.

Недолго думая, я принимаюсь рубить монстров, совершенно не вкладывая силы в меч. Двуручник рисует восьмерки, оставляя затухающие голубые ленточки, и супостаты рассыпаются в стороны, словно бы каждый удар – мини-взрыв без вспышки.

Я просыпаюсь, снова засыпаю. Так повторяется несколько раз. Невозможно понять, где сон, а где реальность. Я безумным ворочаюсь на диване.

В итоге я решаю поехать в ближайший бар. Как это бывает: посижу часов до пяти, вымогаю организм окончательно. Глядишь, и заполучу крепкий сон. Да чего там! Хиленький, тоже сойдет!

* * *

Я сижу в круглосуточном баре с диковинным названием Squer Antiques. На столе горячий кофе, вопреки расхожему мнению, действующий на меня усыпляюще. Помещение безнадежно пропитано табачным дымом, мерцает тусклый свет, мимо столиков редко шмыгает официант.

Приделанный к стене пузатый квадратный телевизор выдает мыльную ребристую картинку какого-то музыкального телеканала. Звук выключили, отчего полуголые девицы из клипа поют голосом Антонова, глухо идущего из динамиков старенького музыкального центра.

Источник дыма – шумная компания готов за соседним столиком. Полчаса слушаю и рассматриваю, пытаясь понять смысл существования этой субкультуры.

Компания похожа на трупов, доставленных из морга: два парня, одетые по образу Графа Дракулы больше смахивают на китайскую копию Трансильванского Влада Цепеша; три девушки, походящие на привокзальных путан, кажется, полежали в морге больше нужного.

Трупы на этом свете задерживаться не желают – пьют дешевую водку ведрами и смолят пачку за пачкой. Все в черном, лица измазаны белой пудрой, волосы взъерошены, будто бы в раз шандарахнуло током.

Кофе, из-за присутствия в баре этих ребят, кажется безнадежно остывшим.

Периодически потягивая холодный кофе, пытаюсь настроиться на сон. Голова мутная, тяжелая, другой бы точно уснул. Но у меня, кажется, в теле встроен микрочип, не позволяющий заснуть. Изматывающий хитрый червь. Вот бы найти и вынуть...

– Слушайте, а давайте-ка к Шмелю завалим? – предлагает гот с розовыми сосульками на голове.

– Не, – отзыается длинноволосый собутыльник, – у него прошлый раз были, ну он это... – длинноволосый делает паузу, хаотично машет руками, пытаясь иначе донести смысл фразы, – нажрался и начал девушку свою вспоминать, которая... к панку ушла.

– Сука, ненавижу панков! – отчаянно рявкает гот с сосульками на голове и наливает еще водки.

Идиотский стиль одежды, нелепые петушиные стрижки, излишки косметики на лице, пирсинг повсюду... Апогей развращенного отношения к собственному «Я»! Смакования самоунижения и превращения самооценки в тряпку, подтирающей засохшую кровь трупа чести.

Готы. Вонючая субкультура, коих в последние годы развелось достаточно, чтобы повысить продажи игрушечных гробов. Субкультура, атрофирующая мозги когда-то людей – а ныне животных.

Для них у меню только пара слов: покойтесь с миром, мечты о счастливой жизни. Вы превратили ее в кошмар и теперь сма��уете собственное разложение.

– Да... умереть не так уж плохо... – мечтательно замечает девушка с обильно измазанными чернильной помадой губами.

– А я вот недавно телек смотрела, – подхватывает разговор другая, – там в автобусе люди погибли. Теракт по-моему. Интересно, как они умирали? Больно?

– Не... я б не захотел! Это же не красиво, так умереть! – вставляет сосульчатый гот, уже заметно поддатый.

Начали обсуждать! Непринужденно, но с приподыханием в словах «боль», «страх», «кровь». Кажется, ребята по кругу получают микрооргазмы. Слушая их, возникают смешанные чувства: желание смеяться, отвращение, тошнота и жалость...

У готов почти все темы для разговоров сводятся к смерти. Это на первом месте. Но есть и более приземленные. Например, самая сильная или самая слабая боль, испытанная в жизни.

Кто расскажет, как током ударило, кто про укус комара, которого специально не сгнояли; а кто-то вспомнит, как в прошлом году резал себя лезвием и что при этом испытывал. Боль – крайне популярная тема для обсуждения, не уступает даже смерти. От упоминания слова «боль» готы также получают микрооргазмы.

Эта компания сегодня сходится на мысли, что самая «крутая слабая боль», когда твою спину царапают во время секса. И девочки и мальчики единогласны в данном вопросе. Ну, пусть хоть спину друг другу царапают, чем режут что-то.

– ...и ваще щас против готов все плохо настроены, – размышляет черногубая девушка вслух, пока остальная компания занимается закуской. – То готы кого-то убивают, то съедают... Хотят нас изолировать от общества!

– Ага. И с каждым годом все больше! – замечает длинноволосый собутыльник, ковыряя что-то в тарелке.

Если говорить об эстетических впечатлениях от готов: все их девушки страшны до онемения пяток. Либо толстые доярки, либо страхолюдины обыкновенные. Одеваясь как елки, упавшие в смолу, доярки еще сильнее подчеркивают свою убогость.

Когда такое толстое пугало, одетое в черный латекс с разъемами для выпячивания жировых складок и с голой (!) обвисшей грудью смотрит на тебя с выпуклыми глазами на бледном как у трупа лице – возникают рвотные позывы и потребность вызвать «скорую» для себя и для нее. Не удивляюсь тому, что никогда не доведется видеть красивых готов. Ленивые, бесполковые животные, не желающие ничего делать, выглядят именно так. Об адекватной манере поведения и этике говорить не приходится. Просто зоопарк.

Про мальчиков умолчу...

– Слууушайте, – сосульчатый щегол не унимается. Язык от алкоголя стал совсем развязанный, – я вот никак не могу понять, почему люди нас, готов, так шугаются?

– Это от незнания, – отзыается самая тихая из компаний. На ней «красуется» черное бесформенное платье, накрашена она меньше остальных и самая симпатичная из компашки. – Обычные люди – они такие. Готов вообще не знают, вот и боятся.

Все одобрительно кивают.

Наконец, начинает клонить в сон. На часах пол пятого. Поморщившись, допиваю остывший кофе, двигаю чашку в сторону, и голова сваливается на руки, глаза медленно закрываются...

От громких ударов я вздрагиваю, подымаюсь с места. Темно. В баре никого нет. По двери колотят чем-то металлическим.

От неведомой силы она слетает с петель, а следом вбегает гот с пустой кастрюлей в правой руке. На носу неуклюже свисают внушительных размеров очки в черной оправе, а окладистая бородка и аккуратная прическа совсем не вяжутся с образом гота.

– Это ты сказал, что мы животные? – бешено орет сумасшедший, указывая на меня пальцем.

– Биндюжникам привет! – зачем-то восклицаю я.

С криком: «Тогда получай, падонак!», гот бросается с пустой кастрюлей в атаку. Я успеваю закрыться руками, но гот начинает кусать кисть левой руки, и все это происходит уже в расплывчатой гелиевой массе.

– Вам плохо? – я открываю глаза. Передо мной стоит официант. На худом, грустном лице заметно полное безразличие и следы от постоянного недосыпа.

С того момента как я уснул, в помещении ничего не поменялось. Внутри телевизора поющие трусы продолжают танцевать, а из динамиков тихо доносится та же песня, поставленная на реверс.

– Нет. Все хорошо, – на самом деле голова ужасно гудит. – Я просто задремал.

Бармен уходит, не желая больше ничего знать.

Готы, зачем-то перешедшие на пиво, шумно гремят стаканами и сна у них ни в одном глазу. Видимо звуки чокающихся бокалов в сознании представились ударами монтировки.

Я решаю скорее валить отсюда, пока мысли об ублудках окончательно не усыпили. Боюсь, приснится кошмар с трупами из морга и мертвой проституткой в главной роли. А уж готов с монтировками и подавно не хочется.

Я расплачиваюсь, вызываю мотор, и ноги стремительно выносят меня из заведения. В след слышится припев.

На улице лютый холод. Леденящий ветер продувает насквозь, заставляя встрепенуться каждую клеточку сонного, уставшего организма. Сейчас такое время года, когда днем еще лето, а ночью – практически зима.

Когда я чувствую подобный холод, всегда вспоминается парочка компьютерных игр, – шутеров, по большей части – где герой бегает по заснеженным локациям с винтовками или автоматами наперевес, а точность прицеливания почти не меняется, чтобы с тобой не происходило.

Приходит в голову мысль, что если бы сейчас дали автомат, я бы и с десяти метров мазал. Да и не побегал вдоволь, с такими-то грузом в руках.

Подъезжает машина, разнося по воздуху хруст всякой мелочи под колесами. Я подбегаю к ней, открываю дверь, и вот уже кресло мягко пружинит подомной.

Оглядываюсь и сразу называю адрес. Водила кивает и я подставляю руки под струи теплого воздуха. Простенький салон автомобиля с искусственным ароматом зеленого чая куда лучше холодного прокуренного бара.

От удобства и приветливого тепла, сон накатывает внезапной волной. Тепло печки так расслабляет, что едва откинувшись на спинку сиденья, тут же обволакивает нежным покрывалом.

Ничего не снится. Порой вздрагиваю от проносящихся машин, не успевая погрузиться в невесомость. Состояния, ровно как и дома, чередуются.

Подобно вымученному скалолазу на конце пути, я вяло, из последних сил цепляюсь за манкий, заветный уступ сна, но тот не поддается. Мучаюсь и продолжаю карабкаться.

А машины все проносятся, сбивая с опоры уступа.

Я открываю глаза. На улице заметно светлее, и движение на дороге куда оживленнее. Дома, приземистые и устремленные в небо, каменные и стеклянные, проносятся за окном и видятся мне геометрическими фигурами с натянутыми на них текстурами.

Интересно, сколько сейчас времени?

По радио, некие Коля Смертников и Сергей Голованов несколько минут издеваются над дозвонившимся в прямой эфир дурачком. Тешат самолюбие, доказывая радиослушателям интеллектуальное превосходство. Но слыша, как усердно они надрываются, возникает мысль об обратном. Кто они, оказавшись один на один с тем, кто в своей стезе? Попробуй, утри нос такому! Но вся страна бежит от мешков, тех самых, которые ворочать надо.

* * *

Добравшись до дома, мимоходом сбрасываю обувь, захлопываю входную дверь. Высвободившиеся ноги сами несут в спальню.

Мешком вались на кровать, не снимая одежды. И… ничего не происходит. Свет дырявит плотные каштановые шторы, а просочившись, действует на меня крайне раздражительно.

Я прихожу в гостиную, включаю опостылевшую приставку и телевизор. Растирая мутные от бессонницы глаза, и глотнув из початой бутылки виски, усаживаюсь играть. Пальцы вяло тыкают по геймпаду, глаза без увлечения впиваются в изображение. Все вокруг расплывается, превращаясь в желтоватую дымку.

* * *

Мне снится шутер от первого лица. Мир нарисован в черно-синей палитре; мрачное, хмурое окружение давит тяжелым куполом, зажимая и сковывая со всех сторон.

Страх обнимает, хочется вмig рассеять черноту и тяжесть, убежать из сна, скрыться и не видеть ничего вокруг. Проснуться.

Я мучено бреду по темному лабиринту с пугающими, злыми стенами. В них нечистые узоры тягуче движутся, плавно перетекают друг в друга; порой кажется, что они тяжело дышат и дают испарину.

Я не один в лабиринте. Супостаты – не то черти, не то мутанты – появляются только для того, что бы я их подстрелил, после чего скоро исчезают; рассыпаясь в прах и оставляя искры в воздухе, валящиеся серыми снежинками на пол.

Одного за другим я кошу чертей, а время невыносимо тянется, и страх сменяется тягучей скукой, столь же тяжелой, сколь и лабиринт с его злыми стенами.

И не понять: толи я сам во сне, толи управляю кем-то.

Вскоре я оказываюсь в просторном зале. По периметру высятся исполинские мраморные колонны, уходящие вверх. Да так, что и потолка не видно! Каменные стебли врастают во тьму, где взгляд их уже не может поймать, где они навсегда теряются.

Помещение столь огромное и необозримое, что и стен не разглядишь, если попытаешься. Да и не существуют они.

Зал не манит и не завораживает – еще больше нагоняет страху; меня бросает в дрожь лишь от собственного шороха.

Раздается жуткий грохот, сменяемый ужасающим звериным ревом. Огромный зал с белыми колоннами, уходящими в бесконечность, страшно трясется, сыпется штукатурка, которой в реальности не отчего отвалиться, слышатся тяжелые шаги, пол вибрирует, как натянутая мембрана под ударами невидимого молота.

Наконец из темноты проглядывается монстр-исполин, похожий на бегемота, вставшего на две конечности, только жуткого до ужаса: из пасти свисают белые клоки пены, глаза пылают красным пламенем, тушу скрывает грязная, бесцветная броня, на каждой лапе установлено по пулемету.

Монстр движется на меня и заводит оба орудия, пуская две нескончаемые очереди.

Я со всех сил рвусь в сторону. За моей спиной крошатся колонны от хлестких пуль, слышатся ручейки посыпавшихся гильз.

В руках у меня возникает дробовик. Недолго думая, я принимаюсь решетить дробью супостата.

Броня твари поигрывает снопами искр, иногда дробь пронзает незащищенные места на туще зверя, впивается, отрывается от исполина клочки плоти. Тварь немного замедляется, и снова принимается поливать из пулемета.

Я шмыгаю мимо колонн, вмig меняю дробовик на ракетницу и живо принимаюсь пускать снаряды в гиганта. Ракеты свистят и оглушительными вспышками растворяются на теле зверя, останавливая работу пулеметов.

Я чувствую, как ракетница накаляется, но не смею останавливаться – расстояние неумолимо сокращается и приходится стрейфиться вокруг колонн, попутно засаживая в тварь очередную порцию ракет. Тварь натужно воет, когда ракета достигает цели, вязнет во взрывах и не может поспеть за моей прытью.

Выстрел! Еще один!

Хлопает вспышка.

Я расхаживаю по двору монастыря. На мне домашний халат и тапочки. Тепло и уютно, надо мной чистое безоблачное небо, тихое и немое в своей бесконечной синеве; не знойное, не слепящее, настолько идеальное и оттого нереальное, словно нарисованное по чертежам, но все же живое, дышащее и улыбающееся.

Так спокойно, что не хочется никуда идти и ничего думать. И двигаться не хочется. Просто стоять, и тонуть в синей глубине, без цели и без желаний.

Там, за каменными стенами, опоясывающими двор монастыря, слышится пение птиц, тихо спрятавшихся в своем уютном мире на деревьях. Чириканье сладкое, и льется во мне, как молочный ручей, как эссенция чистой силы, кристальное, непорочное, свободное от всяких гадостей человека.

Я чувствую, как неведомая сила окутывает тело. Да, вокруг живет божественная энергия, она протекает в самый затаенный уголок и наполняет смыслом каждый камешек и стебелек. Мне спокойно и уютно.

Я гляжу на себя со стороны: домашний халат оказывается робой мага огня. Стало быть, я могу колдовать?

Я вытягиваю руки, тужусь изо всех сил, и жду, когда что-то произойдет. Ну когда еще представится такая возможность?! Обычно, все что снится, связано с преодолениями, борьбой в заведомо невыгодных условиях. Я всегда от кого-то бегу, отстреливаюсь чем-попало и отмахиваюсь какими-нибудь скучными мечами. Прыгаю из сна в сон, меняя поля брани.

– Женщина! Женщина в монастыре! – ко мне подлетает лысый дядечка в одеянии мага огня и начинает трясти за плечи. – Женщина! Представляете? Как она могла здесь оказаться? Здесь НИ-КО-ГДА не было женщин! Это же монастырь!

– Где она? – в этом сне я могу говорить. Правда, как и полагается, голос слышен со стороны и не ощущим.

– В подвале. Увели подальше, чтоб не оскверняла присутствием. Подержим там, пока верховный маг круга огня не решит что с ней делать, – красная роба, которой могли удостоиться лишь избранные, совсем не взялась с трусливым характером ее обладателя. Хотя это можно было посчитать за набожность.

Маг припадает на колено перед каменной статуей, которая красуется в центре монастырского двора.

Повсюду снуют послушники: они испуганно смотрят по сторонам и разбредаются в разных направлениях от маломальского шороха, словно боясь наказания за самую малую провинность. Над головами белыми буквами светятся имена, но не разобрать.

Я совершенно не знаю, что делать в этом сне и куда идти, но после слов трусливого мага, мне хочется увидеть девушку, запертую в подвале.

Еще одна вспышка.

Я мчусь босиком по холодному шершавому полу вдоль темного коридора. В ступни впиваются мелкие камушки, проносятся огни горящих факелов, приделанные через каждые несколько метров к стенам из грубо отесанных блоков.

Впереди возникает разветвление, и я бегу влево, но натыкаюсь на какого-то странного человека в очках с темными линзами и короткими волосами, не дающего ходу. Он явно не вписывается в этот мир. Я разворачиваюсь, и мчусь со всех ног по второму пути.

Коридор заканчивается величественной узорчатой дверью и приставленным стражником в тяжелых доспехах. По каким-то признакам я понимаю, что это паладин. Еще на нем почему-то круглые очки в роговой оправе.

Стражник читает книгу, а когда замечает меня, резво поднимает глаза.

– Вы что-то хотели? – учтиво спрашивает паладин-стражник.

– Да мне бы... мне бы... в общем я во сне, – неуверенно признаюсь я.

– Простите, что? – стражник убирает книгу за пазуху.

– Я говорю... я во сне.

– Что же вы такое говорите? В каком таком вы сне? – паладин опускает на нос очки и начинает сверлить глазами.

– В своем, полагаю, – неуверенно отвечаю. – И думаю, что вы должны открыть дверь, потому что мне нужно увидеть девушку, пока я не проснулся. Мне кажется, это скоро случится.

– Но позвольте! Вот я стою перед вами, живой, из плоти и крови, и что же, я, по-вашему, не существую? Или существую, но только в сегодняшнем вашем сне, и, стало быть, когда вы проснетесь, я исчезну?

Паладин выглядит крайне возмущенным: очки сползли вниз и в глазах его сверкает искренняя обида.

– Ну, получается что так. Вы все правильно сказали.

– А разве такое может случиться?

– Откройте же дверь! – не выдерживаю я. – Кажется, я сейчас проснусь! Я уже начинаю чувствовать свое тело!

– И что же, меня не существует?

– Да не существует, не существует! Вы вообще видели паладина в очках, читающего книгу? И взгляд у вас такой... интеллигентный!

Паладин думает, достает книгу, и непонимающе смотрит на нее.

– А книга очень занятная, кстати. Про принца. Я ее у молодого человека в черных очках взял, он по близости стоит, – паладин указывает рукой в сторону, откуда я прибежал.

– Откройте! Сон сейчас кончится!

– Хорошо. Только не сбегайте с ней. Меня же уволят.

– Да плевать! Ничего этого все равно не существует!

– Хм, – паладин пожимает плечами, – все равно открыто.

И он вонзается в книгу, проваливаясь в другую вселенную.

Я отпираю дверь и вижу девушку, стоящую посреди пустой комнаты, которая теряется в свете пробуждения.

Чувства недоклерка

Сквозь силу я размыкаю веки, осматриваюсь: на экране телевизора сверкает главное меню, геймпад от Бокса одиноко валяется на полу, а недопитая бутылка виски лежит на краю журнального столика, и не решается свалиться.

Со второй попытки получается подняться. Боль мгновенно окутывает голову, и в глаза напускается туман; делается дурно.

Я вхожу в туалетную комнату, но стоять под душем не решаюсь, совершенно нет на это сил. Поэтому я набираю ванну, добавляя в купель всякие ароматизаторы и пенки.

Покуда наполняется купель, я рассматриваю лицо в зеркале, нетвердо держась на ногах из-за похмелья и недосыпа.

Обычно ухоженные, короткие волосы, напоминают торчащий клок пластмассовых волос, как у потрепанной куклы – хозяйка о ней не заботилась: она из тех девочек, которые лучше выпросят новую, чем станут возиться со старой; на глазах видны полопавшиеся сосуды, а их обычно ярко-зеленые радужки выглядят блеклыми, безжизненными, и, кажется, только напоминают оттенок своего прежнего цвета.

Вместе с двухдневной щетиной я выгляжу каким-то несчастно-серым человечком. Увидь кто-нибудь – испортится настроение.

Я закрываю кран, неспешно раздеваюсь, и горячий коктейль из водопроводной воды и уймы парфюмерно-мыльных составов принимает утомленное тело.

Голова по-прежнему страдает в объятьях с ноющей болью, но горячая вода создает релаксацию тела, всю ночь и утро пробывшего в черти каком положении. В целом, жить становится легче. Я откидываюсь, закрываю глаза.

Плаваю в невесомости, а вокруг пустота. Ничего, кроме ярких немых светлячков, проносящихся мимо и превращающихся вблизи в белые полосы, мимо которых я проношусь на огромной скорости.

Звенящая тишина. Точно попал в какой-то вакуум. Даже мысли отключились. Ничего не существует, ничего не идет.

Откуда-то из глубины появляется бормотание.

Теперь во мне только пустота и чей-то голос. Звук во всем мире выключили, остался только он, скользкий и деспотичный. Лучше бы не слышать.

Я пытаюсь разобрать слова, но как ни стараюсь, ничего не выходит.

Внезапно из пустоты возникает силуэт мужчины в синем костюме: он надвигается на меня, проходя сквозь лучистые светлячки.

Не успев разглядеть силуэт, я тут же просыпаюсь.

Подобные сны случались со мной и раньше. А тут напасть – целая череда. Ночью в баре, утром в гостиной, и вот сейчас.

Вода остывала, и я тороплюсь выбраться из ванны, надеть халат и отправиться на кухню. Голова раньше не болит.

По кухне я расхаживаю с чашкой свежесваренного кофе, а взглядом ищу продукты, пригодные для завтрака. Но ничего путного не находится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.